

Город накрыло дождём. За стеной воды расплывались очертания соседних домов, и утро походило на ночь. Капли отбивали чечётку на жестяном подоконнике снаружи и змеями извивались по стеклу. Однако, как стихия ни старалась, утопить город не получилось, так что мне пришлось всё-таки пойти на работу.

Помятые в общественном транспорте, сонные мокрые люди набились в лифт, и подъём на пятнадцатый этаж был, как всегда, мучительно долог. Кабина то и дело останавливалась, кто-то входил, кто-то выходил, кто-то кому-то картонно улыбался и сетовал на погоду. Детали городского механизма послушно встраивались в ежедневную конфигурацию.

Наконец, я добрался до своего отдела и включил компьютер. Утро уже не обещало стать недобрым, оно просто кричало об этом – социальный счётчик справа от монитора светился красным. Восемь тысяч семьсот с хвостиком – как я мог со вчерашнего дня потерять больше тысячи баллов?

Ответ обнаружился в почте. В автоматически сгенерированном сообщении перечислялись модули, подвергшиеся атаке, указывались ссылки на тела вредоносных программ и сразу четыре компонента системы безопасности, тысяча сто двенадцать строк кода, объявлялись устаревшими в свя-

зи с ненадёжностью. На поиск уязвимостей и разработку новой версии мне выделялась одна неделя. Было ещё письмо от дежурного оператора, по-человечески объяснявшего, что же всё-таки произошло. Оказывается, около полуночи кто-то внедрился в систему управления движением рекламных дронов в Северо-Западном районе, в результате чего те решили станцевать джигу. Прежде чем машины удалось выключить, несколько десятков разбились, столкнувшись друг с другом.

Сговорились все что ли? Атака за атакой, каждый день, и мой код устаревает быстрее, чем я его успеваю писать. Так мне никогда не добраться до десяти тысяч статусных баллов.

Но нечего пенять на судьбу. Привычным лёгким движением я провёл пальцами по клавиатуре, едва касаясь клавиш и не нажимая их, словно пианист, готовящийся взять первый аккорд. Совершив сей нехитрый ритуал, я приступил к работе.

Минуты бежали наперегонки, и пальцы плясали на клавиатуре. В безумстве творческой лихорадки все звуки отступили на второй план, а пространство сузилось до размеров экрана. Внезапный яркий всполох на самой границе зрения на секунду отвлек меня от работы.

То было видение – в красном платье, на которое спадали густые тёмные волосы, и красных туфлях на высоком каблуке, – на миг лишь посетившее наш серый офисный мир. Не удостоив присутствующих даже кивком, девушка стремительно пересекла отдел, так что я даже не успел толком разглядеть её лица.

– Не знаешь, кто это? – спросил я у Андрея, работавшего на соседнем компьютере.

– На твоём месте ближайшие десять тысяч строк я бы вообще об этом не думал, – отозвался тот, скорчив мину вечно занятого человека, и вновь уткнулся в монитор.

– Спасибо, что не забываешь следить за моим статусом, – огрызнулся я в ответ.

Ему легко говорить – Андрей разрабатывает клиентские приложения для рекламодателей, которые относительно редко приходится обновлять, поэтому статус стабильно растёт. Он уже давно заработал право жениться и теперь всю стремится к разрешению на первого ребёнка. Вот только выглядит он роботом, а не человеком.

Я же до сих пор не добрался и до первой ступени социального развития – расширения жилплощади, и всё потому, что мой код постоянно теряет актуальность.

В последующие дни я видел ту девушку несколько раз, но всё время издалека. И вот что странно: цвет её платья всегда совпадал с цветом моего социального счётчика, будто бы она наряжалась специально для меня. В дни, когда мой статус понижался, девушка носила красное, когда повышался – зелёное. Конечно, встречи были редки и мимолётны, и я убедил себя, что это случайность. Но таинственная незнакомка привлекала меня всё больше.

Я выяснил, что она работает то ли на сорок восьмом, то ли на сорок девятом этаже, в этой обители небожителей – руководства Государственной Информационной Службы. Простым смертным путь туда заказан, для этого нужно обладать практически бесконечным статусом. Надежды познакомиться с девушкой стремительно улетучивались. Вдобавок, я совсем перестал её встречать.

Но однажды случилось чудо – возвращаясь с обеда и зайдя в лифт, я увидел её, свою незнакомку. Я расплылся в улыбке, как последний идиот, и она улыбнулась в ответ. В лифте было слишком много народа, и я так и не решился заговорить с ней в тот раз. Но весь день я ходил счастливый, несмотря на то, что очередная моя программа устарела.

Следующей встречи, увы, пришлось ждать до февраля, и опять она оказалась совершенно случайной. После работы я завернул поужинать в незнакомое кафе, и девушка сидела там за столиком. Одна. Я подошёл, и всё получилось как бы само собой.

Мы сидели в кафе, а потом долго гуляли по ночным улицам и болтали обо всём на свете, будто знали друг друга уже много лет, а снегопад насыпал пушистые погоны нам на плечи. И пускай Алиса не разрешила проводить её домой, мы договорились встретиться ещё раз.

Ночи становились короче, а наши свидания всё длинней, но странно, Алиса не позволяла мне ничего, даже взять её под руку, и всегда уезжала одна на такси.

Но как-то тёплым весенним вечером мы проходили недалеко от моего дома, и я в шутку предложил показать мою одноместную ячейку. Неожиданно, Алиса согласилась.

– Ух ты, у тебя есть бумажные книги! – воскликнула она, войдя. – Ты никогда о них не говорил. Откуда они?

– Остатки дедовой библиотеки. У него было пять тысяч томов. Эти несколько книг – всё, что удалось сохранить, большая часть отправилась на утилизацию. С моим статусом их негде держать, сама понимаешь.

– Один, два, три... – она провела пальцем по корешкам. – Двенадцать. Всё равно это настоящее богатство. Сейчас даже в самых статусных домах их почти не встретишь. Можно полистать?

– Конечно. Только аккуратно, они довольно старые.

Она взяла книгу и повернулась к свету. В этот момент у меня зазвонил телефон. Видеозвонок с незнакомого номера. Я отошёл к окну и нажал «Ответить».

– Вы Денис Морозов? – спросил незнакомый бородач.

– Нет.

– Извините, – он отключился.

За спиной хлопнула дверь. Я обернулся – Алисы не было, лишь томик Кафки остался лежать на диване.

Я звонил Алисе весь следующий день. Вечером она всё же взяла трубку.

– Вчера ты так внезапно убежала. Что-то случилось?

– Ничего. Но тот звонок...

– Кто-то ошибся.

– Да, но это мог оказаться и кто-нибудь знакомый. Если нас увидят вместе, это будет как-то... Понимаешь, твой статус, мой статус – они слишком разные.

– Разве это имеет значение?

– Для меня нет. Но есть ведь общество, законы. Наверное, нам лучше больше вообще не встречаться.

Всю неделю я ходил как обухом оглушённый. Окружающая действительность словно расплывалась в тумане, работа не клеилась и статус снижался, но мне было на это наплевать. По вечерам я сидел в своей одиночной камере на двадцать седьмом этаже и тупо смотрел на всё более притягательное окно. Если я выходил на улицу, праздная безразличная толпа и мельтешащие вокруг беспилотники, извергающие поток бьющей по мозгам рекламы, лишь усиливали отчаяние.

Так продолжалось до тех пор, пока в один из вечеров я не услышал тихий стук. Я отворил.

Она вихрем ворвалась внутрь и, захлопнув дверь, впилась в мои губы долгим поцелуем.

– А как же статус? – спросил я, когда смог вновь дышать.

Алиса тряхнула головой, и непослушная чёрная прядь упала на глаза.

– У меня его хватит на нас обоих, – она вновь прильнула ко мне. Я нашарил на стене выключатель и погасил свет.

Красное платье скользнуло на пол.

Я проснулся поздно. Алиса исчезла, не оставив ни записки, ни какого-либо другого знака своего присутствия, словно не девушка, а мимолётное видение посетило меня накануне.

На работу можно не спешить, всё равно опоздание уже столь велико, что без потери статусных баллов не обойдётся. Но по правде, это меня не особенно волновало.

Удивительно, как пуст город в будний день. Суета уходит в недра офисов, а снаружи царит спокойствие – ленивый транспорт ползёт по дорогам, на тротуарах нет гомонящей толпы, и даже рекламные дроны прячутся в логове. Их время наступит позже, а пока лишь отдельные часовые переливаются яркими цветами на углах, предлагая очередную ерунду. Майское солнце наполняет улицы мягким теплом.

Ещё с порога отдела я заметил красный отблеск счётчика на столе. Никто не ответил на приветствие, но я почувствовал нездоровое внимание к своей персоне.

На счётчике светился ноль. Невероятно! Ноль за какое-то паршивое опоздание! Дрожащими руками я включил компьютер. Короткое сообщение в модальном окне: «Вам необходимо подойти в комнату 2327», – и никакой возможности его закрыть или перейти куда-то ещё.

Коридор двадцать третьего этажа утопал в полумраке, а может, то был сумрак мыслей. Двигаясь к двадцать седьмому кабинету, я пытался припомнить хоть кого-то из работающих здесь, но похоже, знакомых на этом этаже у меня нет.

За обитой дешёвым дерматином дверью обнаружилась довольно обширная комната, где за массивным столом восседал человек начальственного вида. Сбоку располагался стол поменьше, снабжённый чиновником меньшего ранга. На правой стене, недалеко от окна висел большой экран.

– Виктор Ковалёв, – прозвучало скорее утверждение, нежели вопрос.

– Да.

– Вы наверняка знаете, зачем мы вас позвали, – чиновница манера говорить каждую фразу превращала в постулат.

– Ни малейшего представления.

– Ну-ну, все так говорят. И противоправных действий вы, конечно же, не совершали.

– Противоправных... чего?

– Довольно. Коллега, прошу вас.

– Господин Ковалёв, – включился младший чиновник, взяв со стола лист бумаги, – вы обвиняетесь в нарушении закона о контроле численности населения. Вчера в одиннадцать часов вечера вы вступили в связь с женщиной, не обладая достаточным статусом...

– Неправда! – перебил я его.

– ...не обладая достаточным статусом, – всё с тем же невозмутимым лицом продолжил он, слегка повысив голос. – На момент совершения правонарушения на вашем статусном счёте находилось восемь тысяч сто шестьдесят восемь баллов, что соответствует первому социальному статусу. Напомним, что лицо получает право на вступление в брак по достижении третьего статуса, а правом на внебрачную связь обладают только лица с высшим, десятым статусом. Факт правонарушения подтверждается свидетельскими показаниями за номером три-восемь-пять-шесть-три и видеозаписью за номером три-восемь-пять-шесть-три-бис. Вот, кстати, она, – чиновник нажал кнопку на пульте, и телевизор на стене ожил.

Внутри у меня похолодело. На экране во всех подробностях транслировалось то, что происходило прошлой ночью после выключения света. Съёмка явно велась инфракрасной камерой.

– Выключите это немедленно! – крикнул я. Начальник кивнул подчинённому, и экран погас. – Но как...

– Вы удивитесь, сколько всего умещается в дамской сумочке, – ответил старший чиновник.

– Предательница, – прошипел я.

– Не предательница, а офицер внутренней безопасности. Мы проводим оценку благонадёжности сотрудников. Вы эту проверку провалили. Впрочем, хватит отвлечений, перейдём к заключительной части.

– Итак, – вновь, как дрессированная обезьяна, включился младший чиновник, – ваше дело было рассмотрено робосудьёй А-пять-один-ноль-четыре. Принимая во внимание социальную значимость правонарушения, но учитывая, что преступление совершено вами впервые, вынесено решение о лишении вас социального статуса сроком на десять лет. В случае примерного поведения наказание может быть снято досрочно, но не раньше чем через пять лет. В случае повторного правонарушения, наказание будет переквалифицировано на более тяжкое. Не обладая статусом, вы лишаетесь права на проживание в однокомнатной ячейке. Ваше новое место жительства и список вещей, которые вы можете взять с собой, указаны здесь, – он протянул мне бумагу. – Личные вещи, не попавшие в список, вы можете в течение сегодняшнего дня сдать в Пенитенциарное Управление. Они будут вам возвращены после отбытия наказания.

– Вы понимаете, что новое положение не позволяет вам выполнять столь ответственную работу, что была у вас до сих пор, – добавил начальник. – Поэтому завтра с утра вам необходимо подойти в отдел кадров и получить новое назначение. Вопросы есть?

Ошарашенный этим двойным обстрелом, я смог лишь молча помотать головой.

– Тогда свободны.

Меня поселили в какой-то ужасной общаге, в комнате на двадцать четыре койки, с общей кухней и уборной. Кровать, тумбочка и шкафчик для одежды – больше здесь мне не принадлежало ничего. Ровно в шесть утра во всём здании загорались длинные мертвенно-белые лампы, а в одиннадцать вечера гасли. До самого отбоя непрерывно орал висевший на стене телевизор, настроенный на госканал. Никаких решёток на окнах или надсмотрщиков – но иначе как тюрьму я это место не воспринимал. Вдобавок, соседями моими были смурные личности, общаться с которыми меня совершенно не тянуло. Новички, потерявшие статус недавно, на всё смотрели с опаской, боясь сказать лишнее слово, старожилы, похоже, смирились со своей участью и проводили вечера, пустыми взорами упёршись в телевизор.

Обстановка настолько давила, что я старался появляться в комнате после отбоя, проводя время в бесцельных шата-

ниях по городу, если то позволяла погода. Так шли недели. Конечно, кроме себя винить некого. Но всё же, какая подлость...

Эмоции жгли и не давали спать по ночам, но что я мог поделаться? Без статуса ты никто – прививалось нам с детства, и теперь я в полной мере это ощутил.

Одним июльским вечером, уже после отбоя, я обнаружил под подушкой клочок бумаги. Посветив телефоном, я прочитал короткое послание: «Завтра в 19:00 на углу возле кафе «Бретань». Дождись птички. Телефон оставь дома. Записку уничтожь».

Что это: дурацкий розыгрыш кого-то из соседей или очередная ловушка бдительных «товарищей»? Или что-то совсем иное? Вопросы мучили меня всю ночь и весь следующий день. Однако терять мне нечего, а узнать ответ можно единственным способом.

Поэтому в назначенный час я был на месте. Вид ничем не занятого человека быстро собрал вокруг меня небольшой рой рекламных дронов, которые принялись наперебой втюхивать мне ненужные товары. Подумать только, сколько времени я потратил на систему безопасности для этого хлама.

Внезапно из общей массы вырвался маленький чёрный беспилотник. Приблизившись ко мне, он выронил бумажный комочек и стремительно унёсся ввысь. «Три квартала вниз по проспекту и один направо», – прочёл я, поймав на лету и развернув записку.

Указанный маршрут привёл меня ко входу в старый парк, где, получив ещё одно послание от беспилотника, я нашёл нужную скамейку у фонтана.

– Садись, – сказал мужчина в низко надвинутой шляпе, не поднимая глаз. – Зови меня Михаил.

– Виктор, – представился я в ответ.

– Знаю, – ответил он. – Телефон?

– Забыл на работе.

– Прекрасно. Наверное, ты думаешь, к чему весь этот цирк с птичками. Но без него, поверь, нельзя. Ставки слишком высоки, и лишний риск ни к чему.

– Не надо меня никуда впутывать! – я поднялся, чтобы уйти.

– Постой, не горячись. Мы просто поговорим, а уж впутываться или нет, ты решишь сам. Каких-то секретов я тебе не поведаю, а вот глаза, может быть, и открою.

После некоторых колебаний я всё же остался.

– Что ты знаешь, Витя, о современном обществе? – продолжил Михаил. Как ни странно, его панибратская манера общения не раздражала, возможно, потому, что этот человек был намного старше меня.

– Наше общество построено на принципах социального баланса. За счёт системы статусов...

– Да брось ты эту чушь из учебника! – оборвал он. – Я тебя спрашиваю о другом. Справедливо ли мироустройство? Кому нужны рамки статусов?

– Наверное, в большинстве случаев справедливо.

– Неужели? Приведи-ка пример, когда статус полностью соответствует личности.

– Пожалуй... Нет, но...

– Вот. Уже два месяца ты наблюдаешь за обществом со стороны. Разве ты не заметил диссонанса между социальной структурой и отдельными людьми?

– Но большинство людей выглядят вполне себе счастливыми...

– Выглядят. А вот счастливы ли они внутри? Я не прошу у тебя сейчас ответов. Я хочу, чтобы ты задумался. Возможно, мы ещё увидимся.

Мы беседовали с Михаилом ещё несколько раз. Он больше не был столь настойчив, но, ставя вопросы, всегда добивался своего. Видимо, он многое знал обо мне – примеры, которые он приводил, оказывались пугающе похожи на то, что я видел в собственной жизни. Не скажу, что Михаил принуждал меня встать на его точку зрения, скорее, он помогал мне быстрее придти к тем выводам, которые я бы сделал и сам.

Действительно, чем обусловлено, что баллы статуса для программиста обеспечены именно актуальными строками кода, и кто-то их накопит быстро, а кто-то будет вынужден постоянно терять их и восстанавливать? Уж точно не талантом и не способностями, как нам твердили в школе. Но тогда чем? Не есть ли это просто искусственное препятствие, призванное минимизировать число тех, кто доберётся до самого верха?

Мы видим лишь свою шкалу – в такой-то профессии такое-то действие даёт такой-то балл – и стремимся ползти по ней вверх, но на деле крутимся на месте, как шестерёнки внутри механического монстра социума. Послушные шестерёнки. Чем лучше ты крутишься, тем ценнее ты для общества и тем больше у тебя прав. Массовое сознание, массовое производство – не лучше, но больше. И оправдывается всё это безумие необходимостью рационального, сбалансированного общества, общим благом. Социальный счётчик заменяет нам мозги.

А для тех, кто не может или не хочет жить по правилам шестерёнки, придуман репрессивный аппарат, и закон о контроле численности населения – один из множества. Да, когда население Земли достигло пятнадцати миллиардов, и планете грозил всеобщий голод, такой закон был необходим. Но сейчас, когда нас всего миллиард, он выглядит только хитроумным приспособлением для удержания шестерёнок в повиновении. Неужели та кара, которой я подвергся, адекватна проступку?

Вывод напрашивался только один, и об этом мы говорили с Михаилом в нашу последнюю «парковую» встречу.

– Я вижу, ты всё понял. Но готов ли ты к переменам? – спросил он.

– Перемены необходимы, я в этом убеждён. Что до меня, то я уйду в партизаны хоть сейчас. Всё равно пять лет такой жизни я не выдержу.

– Ну, до партизанщины дело не дойдёт, я надеюсь. Общество держится в повиновении современными, бескровными методами, и мы должны действовать так же. Если хочешь преуспеть, ты не должен выделяться из толпы. Ходи на работу, отбывай наказание – пусть всё выглядит так, словно ты смирился. А в субботу поезжай за грибами, сейчас как раз подберёзовики пошли. Вот сюда, – он достал бумажную карту и ткнул пальцем в станцию. – Потом пройдёшь пешком до этой деревни. Запомнил?

Я кивнул.

– Мы будем ждать тебя в восемь.

От станции до нужной деревни можно было добраться по шоссе, но я выбрал более приятный путь – через лес. Здесь, среди особых лесных запахов и зелёной листвы город с его назойливой машинерией кажется чем-то далёким и нереаль-

ным. Я шёл по тропинке, собирая попадавшиеся то тут, то там грибы, стараясь, однако, слишком на них не отвлекаться, чтобы не опоздать.

В деревне меня встретил Михаил и провёл в один из домов, ничем особо не выделяющийся в ряду других. Внутри же обнаружился скрытый проход на подземный этаж, заполненный различным оборудованием. Сейчас там находились трое.

– Знакомься: Ирина, Максим, Илья – твоя группа, – представил Михаил присутствующих. – Вам предстоит непростая задача – обеспечить нам полный доступ к системе управления рекламными беспилотниками.

– Вы всерьёз полагаете сделать это отсюда? – удивился я.

– Нет, мы не настолько глупы. Снаружи осуществимы лишь разовые акции, весьма малоэффективные. Эту тактику мы опробовали и отвергли ещё в прошлом году. Помнишь, у тебя возникали проблемы со статусом из-за атак?

– Так это вы...

– Да. Но теперь мы хотим подчинить себе систему в целом, изнутри. И тут нам нужен ты.

– Боюсь, здесь я вам не помощник. Рекламная сеть контролируется Государственной Информационной Службой. Да, я там работаю, но после приговора у меня, фактически, пользовательские права.

– От тебя не требуется что-то внедрять в сеть. Здесь, – он обвёл рукой помещение, – имеется всё необходимое для разработки. У нас есть свой человек в Информационной Службе, который установит что нужно куда нужно. Главное – обойти систему безопасности. Новые модули должны казаться безобидными. Чем тщательней ты замаскируешь их, тем лучше.

– Ладно. Положим, я смогу обойти защиту, которую сам и разрабатывал. Но что это даст? Как рекламные дроны изменят жизнь?

– Никак. Но без них перемены не подготовить. Пока в массовом сознании не укоренится, что система статусов – зло, любое наше выступление бессмысленно. Телевидение, Всемирная сеть, реклама – вот инструменты правительства, формирующие массовое сознание. От рекламы принято отмахиваться, но она повсюду и, хочешь или нет, постоянно на тебя воздействует. Заменим слово там, предложение здесь –

и вот уже в поток пропаганды встроена наша маленькая контрпропаганда.

– Вы думаете так победить? Не слишком ли идеалистично?

– Поверь мне, это первый шаг. У социальной системы много защитных оболочек, мы будем вскрывать их одну за другой, начиная с самой тонкой. Нас много по всему миру. Здесь только малая ячейка.

Наверху послышались шаги.

– Вот, кстати, тот «свой человек», о котором я тебе говорил. Вернее, о которой.

Вошла Алиса.

– Всем привет! Я вам грибов набрала – будет с чем в город вернуться.

– Ты!

– Ой, извини, мы не успели объясниться...

– Да как ты смеешь вообще здесь появляться!

– Спокойно, мой друг, – вступился Михаил. – Она с самого начала работала на нас. Посуди сам, попал бы ты к нам, иди твоя жизнь, как прежде?

– О да, я смотрю, вы всё здесь предусмотрели. Да только я вам не по зубам. Счастливо оставаться! Ищите других дураков.

Я злился на себя, на Алису, на Михаила и на весь остальной мир.

Но в городе реальность была беспросветна. Монотонность работы – на другую я рассчитывать не мог, пока не стану вновь благонадёжным, – монотонность общежития: коридоры, комнаты, ряды кроватей и ламп – всё угнетало. Я спасался улицей, но в октябре зарядили дожди. Лишившись статуса, я потерял и в зарплате, так что просиживание в общественных местах стало не по карману. Оставалось только поглощать телепропаганду в общаге. Я понимал, что такими темпами за пять лет превращусь в овощ.

Именно поэтому одним ненастным октябрьским днём я вновь нашёл Михаила и компанию.

Не скажу, что после той размовки меня встретили радушно, но я нужен им, а они – мне. Так что я принят. Единственно, я настоял, чтобы никакой Алисы не было поблизости, пока я здесь.

Возможно, я совершаю ошибку, и просто перехожу из старой машины в новую, и мне суждено стать шестерёнкой вновь, когда установится новый порядок. По крайней мере, здесь я занят хоть чем-то стоящим.

Разработка шла всю зиму. В целях конспирации я подался в лыжники-любители, чтобы мои лесные прогулки по выходным не выглядели чересчур подозрительно.

Но этот день наконец настал. Сегодня Алиса установит новое программное обеспечение, дополняющее систему управления рекламными дронами. Если всё пойдёт по намеченному, люди услышат немного другую рекламу, неявно и постепенно склоняющую их в нашу сторону.

И это будет первая, совсем небольшая победа над системой.

12-14.01.2018